НИКА ВЕРБИНСКАЯ

ВДОВА

ПРИ ЖИВОМ МУЖЕ

Ника Вербинская

Вдова при живом муже

«Автор»
2026

Вербинская Н.

Вдова при живом муже / Н. Вербинская — «Автор», 2026

Год я была вдовой. Носила чёрное, а сыновья каждое воскресенье несли гвоздики на могилу, под которой пусто.А потом в кафе у моря я услышала смех мужа.Андрей танцевал с женщиной в красном. Загорелый, с бородой, в льняной рубашке. Я схватила его за руку. Он отогнул мои пальцы по одному и сказал на весь зал: "Женщина, вы обознались. Я вдовец. Моя жена погибла".Это меня он похоронил. При всех, между двумя песнями.Его невеста жалела меня и гладила по плечу. Зал смеялся. Дома свекровь даже не взглянула на фото и при внуках назвала меня безумной. Старший сын порвал снимок: "Хватит, мам. Мы только начали жить".Но потом свекровь сама назвала город, о котором я при ней ни разу не говорила.А в доме мужа на полке я нашла урну с надписью "Марина Ветрова. Помню. Люблю". Внутри был речной песок. И его обручальное кольцо.Он снимал мои пальцы по одному. Так же, по одному, я заберу у него каждого, кто его жалеет.

© Вербинская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Знакомство с героями 5
Глава 1. Женщина в красном 17
Глава 2. Уха со стопкой 21
Глава 3. Не при детях 26
Глава 4. Слишком точная 31
Глава 5. Добрый день, мама 37
Глава 6. Тайный ход 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ника Вербинская
Вдова при живом муже

Знакомство с героями

Марина Соколова

Главная героиня, вдова, керамистка. Тихая, терпеливая керамистка, которая привыкла уступать и думать руками. Год носит траур по мужу, утонувшему на рыбалке, и почти не

садится за гончарный круг. На море она узнаёт в чужом "вдовце" своего мужа и решает больше не молчать, а добиться правды.

Андрей Соколов

Муж героини, считался погибшим. Обаятельный, компанейский, любит быть в центре внимания и вызывать сочувствие. Год назад он якобы утонул, а теперь живёт у моря под фамилией Ветров и рассказывает всем историю о погибшей жене. Узнав Марину, он при людях называет её безумной, а в стороне требует, чтобы она уехала.

Карина Белова

Лучшая подруга героини. Яркая, энергичная подруга Марины со времён училища, тараторит и ласково командует. Весь год поддерживала Марину и уговорила её поехать к морю

развеяться. После встречи с Андреем настойчиво твердит, что Марине всё показалось, и торопит её домой.

Галина Петровна Соколова

Свекровь героини, мать Андрея. Властная и слезливая, держит семью в кулаке и каждое воскресенье собирает всех на ужин. Весь год носит чёрный платок по сыну. Когда Марина приносит фото живого Андрея, она даже не смотрит на снимок и при внуках выставляет невестку сумасшедшей.

Дмитрий Соколов

Старший сын героини. Закрытый, гордый и вспыльчивый подросток, прячется в худи и наушниках. Был близок с отцом, тяжело пережил его гибель и только начал оживать. Слова

матери о живом отце приводят его в ярость: он рвёт фотографию и отказывается возвращаться с ней домой.

Лада Корнеева

Невеста Андрея, хозяйка ресторана. Тёплая, щедрая и деловая хозяйка ресторана "Лада" на набережной Берегового. Она выходила "вдовца Ветрова" после его горя и готовится к свадьбе. Сначала по-доброму жалеет Марину, а после записки мужу велит больше её не обслуживать.

Степан Корнеев

Брат Лады. Спокойный, немногословный, двигается неспешно и не выносит вранья. В кафе, где все смеются над Мариной, он один внимательно следит за спрятанной рукой жениха сестры. Ночью он стоит под гостиницей Марины, но уходит, так и не заговорив.

Глава 1. Женщина в красном

На пороге «Маяка» я упёрлась и дальше не пошла. Над верандой мигали гирлянды, саксофонист выводил что-то сладкое, за столиками звенели бокалами. А я стояла в чёрном балахоне до щиколоток, с косой, затянутой так туго, что ныли виски. Хоть сейчас на поминки.

– *Карин, я в номер пойду,*– сказала я.

– *Ещё чего! Зай, мы для чего ехали?*– Карина подхватила меня под локоть, и браслет звякнул у самого моего уха. – *Давай, давай, не тормози.*

Столик она выбрала сама, у танцпола. Даже не огляделась и официанта ни о чём не спросила, шла уверенно, как к себе домой.

Под столом я крутила кольцо большим пальцем. С февраля Митя и Егор каждое воскресенье носили гвоздики к гранитной табличке, под которой пусто. А их мать сидит у моря под гирляндами. Дура.

– *Ты хоть плечи опусти,*– Карина толкнула меня коленом. – *Сидишь, как воробей на проводе. Люди подумают, я тебя силой притащила.*

– *А разве нет?*

– *Ой, всё! Год, Марин. Год ты в этом мешке ходишь. Кладбище, дом, кладбище. Ты в зеркало смотрела? От тебя одна коса осталась.*

Я промолчала. Этот год она держала меня за руку у могилы и возила мальчишкам котлеты, когда я не могла встать к плите. Встать и уйти сейчас значило плюнуть ей в лицо.

– *Белого нам, сухого,*– бросила она официанту. – *Марин, хватит в скатерть смотреть! Смотри, как люди живут!*

На скатерти темнело пятно от соуса, похожее на рыбу. Его я и разглядывала, когда сквозь саксофон пробился смех.

Громкий, раскатистый, с хрипотцой в конце. Так смеются, запрокинув голову, чтобы весь стол видел, как тебе весело. Годами этот смех гремел у меня на кухне. Я узнала его раньше, чем подняла глаза.

На танцполе кружился мужчина. Выгоревшие волосы зачёсаны назад, светлая борода с рыжиной, белая льняная рубашка. Андрей никогда так не загорал. Мужчина вёл статную женщину в красном платье, и она смеялась ему в плечо.

Она была моложе меня. Тонкая талия, тяжёлый каштановый хвост до лопаток, платье сидит так, что видно, как она дышит. Рядом с ней я, в своём мешке, сошла бы за тётку из деревни, приехавшую на свадьбу племянницы.

Не он. Андрей ходил в камуфляже, стригся под машинку, а бороду терпеть не мог: чешется. Это горе играет. Ольга рассказывала, что вдовы годами узнают мужей в прохожих. Только руки у меня стали ледяными, а во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу.

Карина молчала. Карина, которая не замолкает даже в очереди к кассе. На танцпол она не смотрела. Она смотрела мне в лицо, не мигая.

Музыка оборвалась. Мужчина отошёл к краю танцпола, и большой палец его правой руки лёг на внутреннюю сторону левого запястья. Потёр. Ещё раз.

Вот и всё. Двадцать лет я видела этот жест: у нотариуса, на родительских собраниях, когда спрашивала, почему он так поздно. Палец туда, где белая полоска от лески.

Как я встала, сама не заметила. Карина то ли схватила меня за рукав, то ли просто коснулась, оборачиваться я не стала. Музыканты заиграли снова, и я пошла прямо между парами. Меня толкнули в плечо, женщина в блёстках бросила в спину: «Совсем, что ли?» Целый год меня водили за руку. Сюда я дошла сама.

Мои пальцы сомкнулись на том самом запястье. Кожа горячая, под пальцами стучал пульс.

Он обернулся. На одну секунду его голубые глаза, Митины глаза, стали круглыми. Узнал. Испугался. Я ждала «Мариша». Он всегда так говорил, когда был виноват.

Потом лицо у него обмякло и сделалось жалостливым. Он взял мой указательный палец и аккуратно отогнул от своей руки. Потом средний. Потом безымянный, с кольцом. По одному, бережно, как снимают с рукава репей.

– *Женщина, вы меня с кем-то путаете,*– сказал он громко, тем бархатным голосом, каким говорил тосты на свадьбах. – *Я вдовец. Моя жена погибла.*

Женщина в красном тут же прижалась к его плечу. Её ладонь легла ему на грудь, и на безымянном пальце сверкнул синий камушек. Сапфир.

Почему-то вспомнилось, что моё кольцо гладкое, без камня, потому что денег тогда хватило только на гладкое. А потом дошло: он не сказал, как звали жену. Вдовец без имени.

Моя жена погибла. Это меня он сейчас похоронил. При всех, между двумя песнями.

– *Андрюша,*– сказала я тихо. Голос не дрожал, и это удивило меня саму. – *Почему?*

Он не ответил. Посмотрел поверх моей головы на гирлянды, будто меня не было. И убрал левую руку за спину невесты, обнял её за талию. Спрятал.

– *Ой, солнце моё,*– женщина в красном шагнула ко мне и погладила меня по плечу. Ладонь у неё была тёплая и мягкая. – *Ну тише, тише. Обознались, бывает. У вас горе, наверное? Давайте вас посадим, водички принесут, посидите…*

От её доброты хотелось завыть. Лучше бы толкнула, обозвала, вцепилась в волосы. А она жалела меня от имени моего же мужа.

Вокруг зашептались. Кто-то хмыкнул за соседним столиком. Парень в кепке поднял телефон, и экран светил прямо на меня. Я вдруг увидела себя их глазами: тётка в чёрном мешке, коса растрепалась, вцепилась в чужого жениха посреди танцев.

Женщина в красном чуть повернула голову и кивнула кому-то. Через секунду рядом оказался официант, молоденький, с серьгой в ухе.

– *Пойдёмте, пожалуйста,*– вежливо сказал он и сжал мою руку выше локтя. Крепко.

Он повёл меня мимо столиков, и я шла, куда вели. Только у лестницы на набережную дёрнулась, и он от неожиданности выпустил.

Я обернулась к залу.

– *У него шрам на левом запястье!*– закричала я, и голос сорвался на визг, чужой и некрасивый. – *Белый, от лески! Я его двадцать лет знаю! Покажи руку, Андрей! Покажи!*

На секунду стало тихо. Потом кто-то засмеялся, за ним другой. Смех покатился по веранде, и саксофонист с перепугу дунул невпопад.

Мой муж тоже улыбался. Устало, снисходительно, покачивая головой.

Не смеялся только один. За их столиком, рядом с пустым стулом невесты, сидел широкоплечий мужчина с короткой рыжей бородой. Руки на скатерти большие, тяжёлые, в тёмных разводах въевшегося лака. Он медленно перевёл взгляд на левую руку жениха, которую тот так и держал за спиной, потом на меня. И посмотрел мне прямо в глаза. Долго, спокойно, без капли жалости. Так смотрят, когда проверяют, ровно ли легла доска.

Меня перестало трясти. Всего на секунду, но я её запомнила.

Официант снова тронул меня за руку, и я спустилась по ступенькам.

Набережная гудела: мороженое, самокаты, музыка из соседнего кафе. У парапета колени подогнулись, и я села. Камень ещё не остыл после дня, а у меня стучали зубы.

Перед глазами стояла табличка. Серый гранит, золотые буквы: «Соколов Андрей Викторович». Этой весной Митя подстригал вокруг неё траву моими маникюрными ножницами, потому что секатор казался ему слишком грубым. Сидел на корточках и молчал целый час. Егорка ждал у ограды и грыз ногти.

А он тут танцует. В льняной рубашке, с бородой, которая у него, видите ли, теперь не чешется.

К горлу подкатил ком. Сглотнуть его не получалось, он застрял там, как вишнёвая косточка.

– *Марин! Мариночка!*– Карина подлетела, обняла меня и прижала мою голову к себе. От неё пахло духами и вином. – *Зай, ну всё, всё. Тебе показалось. Слышишь? Показалось! Тут все бородатые мужики на одно лицо, загорелые, в этих рубахах, их тут тысяча! Пошли в номер.*

– *Это он,*– сказала я ей в плечо. – *Карин, это он. Я вернусь. Пусть руку покажет при всех.*

Я упёрлась ладонями в парапет и поднялась. Сверху, с веранды, опять играл саксофон. Карина вцепилась мне в запястье, ногти впились в кожу.

– *Куда ты вернёшься? Чтобы тебя там опять на телефон снимали? Охрану позовут, полицию вызовут, и что? Мальчишкам потом рассказывать, как мать в отделении ночевала?*

– *Ты же его знаешь,*– я повернулась к ней. – *Ты у нас на кухне сто раз сидела. Ты его разглядела?*

– *Я на тебя смотрела, а не на мужиков!*– отрезала она. – *Ты на себя посмотри, на тебе лица нет! Вставай, давай, давай.*

Она потянула меня к гостинице, сильнее, чем я думала. Тело было ватное и слушалось её. А в голове крутилось своё: палец по запястью. Палец по запястью.

В номере Карина первым делом вытащила из-под кровати мой чемодан и раскрыла его на полу.

– *Всё, завтра едем,*– она сгребала с полки мои кофты и швыряла внутрь, не складывая. – *Утренний есть, в восемь сорок, сейчас возьму. Тебе домой надо, к мальчишкам. Нечего тебе тут делать.*

В одной руке телефон, другой швыряет вещи. Мой серый кардиган упал в чемодан рукавом наружу.

– *Он смеётся так же,*– сказала я. – *Запрокидывает голову. Трёт запястье, правым пальцем левое. И он испугался, Карин. В первую секунду. Я видела.*

– *Тебе показалось.*

– *Ты даже не слушаешь.*

– *Слушаю! Показалось, Марин. Нервы. Какой год был, а ты хочешь, чтобы тебе не мерещилось?*

– *Он спрятал руку. За спину ей убрал. Зачем прятать руку, если там ничего нет?*

– *Да потому что к нему психованная тётка в кафе пристала! Я бы тоже спрятала!*

Она отвечала сразу, не давая договорить. И ни разу не спросила, чем же он похож. Какого роста, что за голос, как стоит. Карина, которая любую сплетню из салона выспрашивает до цвета ногтей.

Странно. Додумать я не смогла, мысль ускользнула. Но зацепка осталась.

Карина бросила телефон на тумбочку, достала из пакета бутылку, купленную днём, и налила вино в гостиничные стаканы.

– *Пей, говорю,*– она сунула стакан мне в руку. – *Марин, ну подумай головой. Мальчишки у Галины Петровны, ждут мать. Митька только-только оттаял, у него девочка, баскетбол. А ты что? Хочешь, чтобы им позвонили и сказали: ваша мама кидается на мужиков в кафе? Весь зал видел, как ты с ума сходишь! Я тебя сюда отдыхать везла, а не позориться. Иначе зачем всё это?*

Стакан я поставила на тумбочку.

И вдруг вспомнила то, что целый год закапывала поглубже.

Третьего июня, наутро после того, как у камышей нашли перевёрнутую лодку, я проснулась одна. Никто не храпел. Никто не бурчал, что кофе остыл, что я опять купила не тот хлеб, что от моей глины в ванной грязь. Я лежала и дышала полной грудью. Мне было легко. Минуту, может, две. Потом вспомнила, что он утонул. Этот стыд я год носила под чёрными платьями.

Если он жив. Если ушёл сам. Значит, от меня?

Внутри привычно кольнуло: сама виновата, плохо берегла, мама же говорила. А под этим поднялось другое, горячее и тёмное. Он год знал, что я хожу на пустую могилу. Что свекровь заказывала панихиды. Что Митя стрижёт там траву ножницами. И танцевал. Отогнул мои пальцы, как от грязной тряпки.

Ладони сами сжались в кулаки. Тяжело, плотно, до боли в костяшках, как когда месишь холодную глину.

– Я никуда не еду,– сказала я.

Карина замерла с моими джинсами в руках.

– Что?

– Не еду. Билет мне не бери.

– Марин, ты в своём уме?– голос у неё взлетел. *– Я тебе сама куплю! Я тебя за шкирку в поезд посажу! Сейчас Галине Петровне позвоню, пусть она с тобой поговорит, раз меня не слушаешь! Ты себя со стороны видела? Истеричка натуральная! Завтра на тебя вся набережная пальцем тыкать будет!*

Чем громче она кричала, тем тише становилось у меня внутри.

Я молча наклонилась над чемоданом. Достала кардиган, встряхнула и сложила на полку. Потом забрала у неё джинсы. Платья повесила на плечики, одно за другим.

– Ты меня слышишь вообще?

– Слышу. Я остаюсь. Хочу знать, почему мой муж живой.

Карина открыла рот и закрыла. Посмотрела на меня как-то странно. Злости в этом взгляде не было. Она что-то прикидывала. Уголок красных губ дёрнулся вверх, почти довольно. Потом она махнула рукой, легла на свою кровать прямо в платье и отвернулась к стене.

– Делай что хочешь,– сказала она в стену.

Уснула она быстро. Или сделала вид: для человека, который только что орал, дышала слишком ровно. В темноте по потолку ползли отсветы фар.

Я поднялась и вышла на балкон.

Ночное море лежало за крышами чернее неба. Пахло солью и чьей-то жареной рыбой. Внизу, под единственным фонарём на углу, стоял человек.

Широкие плечи. Светлая рубашка с закатанными рукавами. Короткая борода, в жёлтом свете почти соломенная. Тот самый, из-за столика невесты. Он стоял, сунув руки в карманы, и смотрел вверх. На третий этаж. На моё окно.

Откуда он знает, где я живу? Пришёл сказать, чтобы я не лезла к его… кому? Брату, другу? Или он тоже видел, как палец ползёт по запястью?

Я шагнула к перилам и набрала воздуху, чтобы крикнуть «Подождите!».

Он опустил голову, развернулся и неспешно пошёл к набережной.

Глава 2. Уха со стопкой

– Зай, смотри! Сегодняшний не достала, взяла на завтра: восемь сорок, купе, обе нижние полки. Всё, как ты любишь!

Карина сунула мне телефон под нос, я ещё глаза толком не открыла. Она сидела на краю моей кровати, уже накрашенная, с красными губами, и браслет на её запястье позвякивал при каждом движении.

– Ты когда успела?

– Ночью! Ты спала, а я глаз не сомкнула. Олегу позвонила, он говорит: правильно, вези её домой. Митька ждёт, Галина Петровна ждёт. И, Марин, вчерашнее наверняка уже по всем чатам гуляет, там же каждый второй с телефоном сидел. Надо тебе, чтобы это до наших докатилось?

Мне нужна была тишина. Хотя бы пять минут, чтобы разложить вчерашний вечер по кусочкам и посмотреть, что из них сложится.

– Карин, подожди…

– Не подожди, а давай, давай, вставай потихонечку. Я завтрак в номер закажу, посидим на балконе, никуда не пойдём. Потом вещи дособерём, и всё. Тебе сейчас на люди нельзя, ты сама понимаешь.

Нельзя. Так я говорила Мите в восьмом классе после драки за гаражами: из дома ни ногой, телефон на тумбочку. Только Мите было четырнадцать.

Молча встала, надела чёрное льняное платье. Волосы заплела в привычную тугую косу и затянула резинкой.

– Ты куда?– Карина даже привстала.

– Подышу.

– Марин! Я же завтрак заказываю!

Дверь я прикрыла тихо. Чтобы хлопнуть, тоже нужны силы.

В холле за стойкой администраторша, крупная женщина с бейджиком «Людмила», лузгала семечки в ладонь. Напротив, облокотившись на стойку, стояла соседка в домашних тапках, с пакетом из магазина у дома.

– …и вот, представляешь, какая-то приезжая кинулась на Ветрова, – рассказывала соседка. *– Прямо при Ладе, при всём «Маяке». За руку его хватала, кричала чего-то.*

– Ой, ну ты что. Он же бедный, только оттаял, Лада его в своём ресторане от горя выходила. Год человек чёрный ходил.

– Вот и я говорю. Пьяная, наверное.

Я опустила голову и пошла к выходу. Но на слове «Ветров» ноги сами встали у стойки с буклетами.

Лицо горело. Это про меня. Та самая пьяная приезжая. Взрослая женщина, мать двоих сыновей, столько лет лепила людям чашки на свадьбы, а теперь стою и делаю вид, что выбираю экскурсию на водопады.

А под стыдом шевельнулось другое, твёрдое. Ветров. И ресторан Лады, где его «выходили». Теперь я знала, как его тут зовут и где его искать.

– Девушка, вам на водопады?– окликнула Людмила.

– Нет, спасибо,– сказала я. *– А ресторан «Лада» далеко?*

* * *

Ресторан стоял на самой набережной, белые навесы над террасой надувались от ветра. В обед народу было битком: загорелые семьи, дети с мороженым, мужики в панамах. Я села в углу, у кадки с какой-то пальмой. Оттуда хорошо просматривался столик у окна с табличкой «резерв».

Официантка, девочка лет двадцати с бейджиком «Вика», встретила меня, как родную.

– Вы одна? Ой, а у нас сегодня уха такая, вы не пожалеете! Это фирменное, Лада Ильинична сама рецепт ставила.

– А это чей столик?– я кивнула на окно.

– А, это Андрея Ветрова. Жених Лады Ильиничны.

Вика понизила голос, но рассказывать ей явно хотелось.

– Он вдовец, представляете? У него жена утонула, Мария. Он с ней на рыбалку поехал, лодка перевернулась, его вытащили, а её нет. Потом ещё дом сгорел, со всеми документами, с фотками, со всем. Он сюда приехал совсем никакой. Лада Ильинична его, можно сказать, на ноги поставила. В августе свадьба, у нас тут, в банкетном зале.

Мария.

Мало ему было утопить меня в чужой реке. Он ещё и имя моё переделал. Так и рассказывает чужим людям: Мария утонула.

– А когда это было?– спросила я.

– Прошлым летом, в июне вроде. Где-то у них там, в средней полосе. Он не любит рассказывать, сразу темнеет весь. Дом-то тоже там сгорел, ему и возвращаться было не к чему, вот он сюда и уехал.

Каждое её слово ложилось в меня, как камешек в босоножку. Июнь. Средняя полоса. Лодка. Ничего нового он не придумал: взял нашу жизнь, перекроил под себя и выдал этим людям вместе с бородой и грустными глазами.

– Они тут каждый день обедают,– Вика уже раскладывала передо мной приборы. *– Он, Лада Ильинична и брат её, Степан Ильич. Только Степан Ильич сегодня не пришёл, даже прибор не ставили. Он у нас вообще такой, сам по себе.*

Я невольно посмотрела на столик у окна. Три стула. Потом на вход, на набережную за перилами: вдруг оттуда сейчас покажутся широкие плечи и соломенная борода.

Ты что творишь, Марина? Мёртвого мужа тебе мало? Ещё и того, из-под фонаря, высматриваешь?

Уткнулась в меню. Строчки поплыли, так я на себя разозлилась.

На террасу вошли они.

Он был в белой льняной рубашке навыпуск, рукава закатаны до локтя. На правом запястье плетёный браслет, загорелая шея, борода с рыжиной. Лада в белой блузке и чёрных брюках, волосы в высоком хвосте. Она что-то шепнула ему, и он засмеялся, запрокинув голову, тем самым смехом, который я вчера узнала с первой ноты.

Отодвинул ей стул. Подождал, пока сядет.

Мне он стул не отодвигал лет пятнадцать.

Я подняла меню повыше. Рано. Пусть сначала поест.

Вика вернулась с блокнотом.

– Уху, пожалуйста,– сказала я. *– Только сварите её по-моему.*

– Это как?

– Когда рыба будет готова, огонь выключить. Влить в котелок стопку водки, пятьдесят граммов. Накрыть крышкой на минуту. И вторую стопку подать рядом, холодную.

Вика захлопала ресницами и ушла на кухню. Через пару минут вернулась виноватая.

– Повар говорит, фирменное блюдо не переделывают. Там рецепт, Лада Ильинична ругаться будет.

– Я не прошу переделывать рецепт. Я прошу стопку водки в конце. Огонь выключить, водку влить, крышку на минуту. Три движения. Заплачу как за две порции.

Вика снова ушла. А я сидела и смотрела, как он режет Ладе хлеб.

Он возвращался с рыбалки в одиннадцать вечера, бросал садок в ванную, жилет на пол в прихожей. «Мариш, уху». Я чистила окуней в полночь, чешуя летела на кафель, на халат, в

волосы. И всегда водка в конце, под крышку, и вторая стопка рядом. Без этого он есть отказывался: «Что это за уха, это суп рыбный».

– *Повар сказал, ладно,*– Вика прибежала довольная, как после выигранного спора. – *Говорит, интересно даже.*

– *Спасибо. И ещё. Отнесите её не мне, а вон за тот столик, у окна. Скажите, от гостьи, которая хочет остаться неизвестной.*

Ручку Вика оставила на столе. Я взяла салфетку и написала, не отрываясь, крупно и ровно:

«Приятного аппетита, Андрюша. Твоя вдова».

Сложила вдвое. Руки не дрожали. Внутри было холодно и пусто, как в мастерской зимой, когда печь остыла.

Уху принесли минут через двадцать. Вика поставила перед ним глиняную миску, рядом запотевшую стопку. Что-то сказала, улыбнулась и положила рядом салфетку.

Первой салфетку взяла Лада. Развернула, засмеялась.

– *Андрюш, у тебя поклонница! Слушай!*– она прочитала вслух, на весь зал, весело: – *«Приятного аппетита, Андрюша. Твоя вдова».*

На последнем слове смех у неё оборвался.

Он побелел. Под загаром это выглядело странно: кожа стала серой, как необожжённая глина. Ложку так и не взял. Смотрел на стопку, будто в ней лежало его настоящее имя. Потом поднял глаза и повёл взглядом по террасе: по семьям, по мужикам в панамах, по пальме в кадке.

Нашёл.

Мы смотрели друг на друга через весь зал. Мне стало почти весело, нехорошо так, темно. Узнал уху, Андрюша? Одна и та же уха, как её не узнать.

Лада проследила за его взглядом и увидела меня. Улыбка сошла с её лица, как вода с мокрого стекла. Она уже отодвигала стул, когда он поймал её за руку.

– *Ладушка, не надо,*– сказал он на всю террасу, мягко, бархатно. Таким голосом он говорил на поминках у соседа, на юбилее начальника. – *Это та женщина, вчерашняя, из «Маяка». Не трогай её. Я этой бедной ненормальной ничего плохого не сделал, а она со вчерашнего дня за мной ходит.*

За соседним столиком женщина в шляпе ахнула и прижала ладонь к груди.

– *Такую уху моя Мария варила,*– он опустил голову, голос дрогнул ровно там, где надо. – *Не знаю, откуда она узнала. Видно, кто-то болтает. Я же тут многим рассказывал, дурак.*

– *Солнце моё…*– Лада гладила его по плечу, а смотрела на меня. Глаза у неё стали жёсткие. – *Вика! Столик в углу больше не обслуживаешь. У меня в ресторане так не будет.*

Вика покраснела до ушей и застыла посреди террасы с подносом.

На меня смотрели все. Женщина в шляпе. Мужик с внуком. Двое парней у перил, один уже поднял телефон. Взгляды липли к коже, как жара. Встать бы и бежать: до гостиницы, до поезда, до своей кухни на седьмом этаже.

Вместо этого я взяла из корзинки кусок хлеба и откусила. Жевала медленно. Хлеб был тёплый, с кунжутом.

Он не выдержал первым. Встал, наклонился к Ладе:

– *Пойду умоюсь.*

И пошёл не к туалетам у входа, а вглубь, к кухне.

Умыться, как же. Сколько лет он вот так уходил «покурить на балкон», когда хотел поговорить со мной без детей. Не сбежал он. Ждал.

Я положила на стол деньги за уху, которую не ела, и пошла следом.

За туалетами была дверь с табличкой «Только для персонала». Дальше тянулся узкий коридор, стены выкрашены зелёной краской до половины. Пахло жареным луком и хлоркой. Справа гремела кухня.

– *Женщина! Женщина, вам сюда нельзя!*– из кухонного проёма высунулся повар в колпаке, с половником в руке. – *Посторонним нельзя, слышите?*

Шла дальше. Колени противно подгибались. Страшно было до тошноты, а злость толкала в спину, как ладонью.

В конце коридора, у штабеля ящиков с пустыми бутылками, возле чёрного хода стоял он. Свет из маленького окошка под потолком падал на половину лица.

Вдовца больше не было. Ни мягкости, ни дрожи в голосе. Лицо стало узким, злым, знакомым до каждой складки у рта.

Он шагнул ко мне и схватил за локоть. Пальцы впились в кость так, что я охнула.

– *Уезжай,*– прошипел он.

Вот он. Тот самый. Который бурчал, что кофе остыл, что хлеб не тот, что от моей глины в ванной грязь. Который шипел мне на ухо в гостях: «Хватит улыбаться, не позорь». Не Ветров. Андрей.

– *Значит, узнал,*– сказала я.

Он дёрнулся и разжал пальцы. Глаза забегали.

– *Ты не понимаешь, ты всё испортишь, подумай о себе,*– забормотал он быстро. – *Мариш, ну правда. Зачем тебе это? Тебе там спокойно, пенсия идёт, квартира есть. Уезжай, а? Пойми меня правильно…*

– *О себе подумать?*

– *Ну да. О себе.*

Пенсия, квартира, я. Про Митю ни слова. Про Егора ни слова. Как будто я одна сюда приехала, из ниоткуда.

Голос у меня стал ровный, чужой.

– *Митя на твоей могиле траву стриг,*– сказала я. – *Ножницами. Каждое воскресенье. Газонокосилку туда не пускают, так он ножницы из дома носил. В пакете из магазина.*

– *Не здесь,*– он смотрел мимо меня, на дверь кухни.

– *Егор с тех пор про тебя ни разу не заговорил. Ни разу, Андрюша. Год.*

– *Ну что ты начинаешь… Ты не знаешь, каково мне было. Я задыхался там, понимаешь? Задыхался.*

– *А здесь, значит, продышался. Вчера в красном платье рядом с тобой стояла, я видела. Дыши, не стесняйся.*

Он открыл рот, но тут из кухни вышел повар с подносом грязных тарелок. Андрей отпрянул от меня, как от горячей плиты. Лицо у него переменилось за секунду: брови домиком, усталая полуулыбка для чужих.

– *Саш, тут женщине плохо стало, заблудилась,*– сказал он повару своим бархатным голосом.

И пошёл к залу, не оглядываясь. Почти не оглядываясь.

Меня трясло так, что телефон из кармана платья я вытащила только со второй попытки. Пальцы не попадали по экрану. Камера. Где эта камера?

Он был уже у двери с табличкой. Обернулся вполоборота, проверить, иду ли я.

Нажала. Ещё раз. Ещё.

Дверь за ним закрылась.

* * *

Старый пирс был пустой, только у дальнего края сидел дед с удочкой. Я села на скамейку лицом к морю.

И меня прорвало.

Весь день держалась, а тут заревела в голос, зло, некрасиво, с соплями, размазывая всё ладонью. Дед покосился и отвернулся. Плевать.

В двадцать я вышла за него в платье, которое мама шила по выкройке из журнала. Гладила ему рубашки на соревнования. Сидела на кухне до трёх ночи, когда он не брал трубку, и придумывала, что скажу мальчикам, если он не вернётся. А потом он не вернулся, и я сказала.

А он здесь мою пенсию считал. «Тебе там спокойно».

Телефон зазвонил, когда я уже только икала, глядя на воду.

– Марин, ты где?!– Карина почти кричала. *– Я тут с ума схожу! Ты хоть понимаешь, что поезд завтра в восемь сорок? Вещи не собраны, ты по городу шляешься, а если ты опять к нему полезла…*

– Еду,– сказала я.

– Что?

– Еду домой. Завтра. С тобой.

– Ну наконец-то, зай! Вот умница! Давай, давай, приходи, я тебе…

– Только я не прятаться еду. У меня фото есть. Покажу Галине Петровне. Пусть посмотрит мне в глаза и скажет, что я ненормальная.

В трубке стало тихо. Секунду, две. Так тихо, что я слышала, как у неё в номере гудит кондиционер.

– Какое фото?– спросила Карина совсем другим голосом. Ровным, без восклицаний.

– Его фото. Приду, покажу.

– А… ну… да. Хорошо. Давай, приходи.

Она отключилась первой.

Я вытерла лицо подолом и открыла галерею. Три снимка. Первый совсем мутный: зелёная стена и белое пятно. Второй чуть лучше. Третий тот, где он обернулся у двери.

Развела пальцами, увеличила. Лицо всё равно расплывалось, но это был он: борода, зачёсанные назад волосы, плечо в белой рубашке. Увеличила ещё, хотела разглядеть глаза.

И увидела руку.

Он стоял вполоборота, рукава закатаны до локтя. Большой палец правой руки тёр левое запястье с внутренней стороны, там, где шрам. Свет из окошка под потолком падал прямо на руки, и рядом с пальцем белела тонкая полоска, ровная, как перехлёст лески. Так он делал все двадцать лет, когда врал.

Бороду можно отрастить. Волосы зачесать назад. Шрам загаром не замажешь.

Я знала это запястье наизусть. Он показывал шрам Егору и в который раз рассказывал про щуку. Он протягивал эту руку к сумке у порога, когда в марте прошлого года уезжал на соревнования в другую область и целовал меня в щёку.

«Я вдовец. Моя жена погибла». Как же.

И теперь это было у меня в телефоне.

Глава 3. Не при детях

– *Зай, ну покажи хоть одним глазком,*– Карина перегнулась ко мне через столик, и чёрная чёлка упала ей на лицо. – *Я всю ночь не спала, честное слово! Лежу и думаю: а вдруг правда он?*

Поезд уже полз мимо гаражей и бетонных заборов с выцветшими надписями. Родной город всегда начинался одинаково: с промзоны и запаха креозота.

Я достала телефон, открыла третий снимок и подняла экран. Держала крепко, на вытянутой руке.

Карина придвинулась и прищурилась.

– *Ой, ну тут же ничего не видно! Пятно какое-то. Слушай, перекинь мне, а? На всякий случай. Телефон у тебя старый, сломается, потеряешь… А я у себя увеличу, у меня камера лучше, вдруг разглядим.*

– *Не надо,*– сказала я и убрала телефон в карман.

– *Да ты чего, мне не доверяешь?*– она засмеялась, но коротко. – *Марин, я с тобой год на кладбище ходила!*

– *Я знаю. Поэтому и не надо.*

Она помолчала и заговорила тише, мягче, как с маленьким ребёнком:

– *Зай, ты только подумай. Галина Петровна год в чёрном ходит. Год! А ты ей вот это под нос сунешь? Она же не переживёт. Ты добрая, ты так не сможешь.*

За стеклом проплыла остановка, где мы с Андреем когда-то ждали автобус на дачу к его тётке. Мите было два, он спал у Андрея на руках, и Андрей пел ему что-то про рыбку, фальшиво и смешно.

Пел. А теперь поёт той, в красном.

– *Смогу,*– сказала я.

Карина прикусила нижнюю губу, и на зубах у неё осталась красная помада. Раньше я сразу шепнула бы ей вытереть. Пусть ходит так.

Я ей никогда ни в чём не отказывала. Оказалось, это совсем не трудно.

Свекровь позвонила, едва я переступила порог квартиры с чемоданом.

– *Приехала? Ну и хорошо. Мальчиков не дёргай, они у меня только успокоились,* – голос у неё был ровный, деловой. – *Завтра воскресенье, в шесть ужин. Приходи, там и заберёшь.*

– *Я сейчас за ними приеду.*

– *Мариночка, ну куда сейчас? Егорка в приставку играет, Митя к своей девочке ушёл. Нечего их туда-сюда таскать, завтра. Всё, у меня там суп на плите.*

Гудки. Я ещё постояла в прихожей с телефоном у уха, как дура. Вдруг перезвонит.

Квартира без мальчиков звенела. Ни кроссовок поперёк прохода, ни музыки из-за двери, ни крошек на столе. Старый принтер в спальне долго гудел и щёлкал, недовольный, что его разбудили, потом с хрустом протащил лист.

Краска почти кончилась. По снимку шли белёсые полосы, лицо Андрея расплылось ещё сильнее, борода превратилась в серое облако. Зато запястье вышло. Я увеличила руку на поллиста, и белая полоска легла на ней чётко.

Лист отправился в папку. Я пошла выключить свет в прихожей.

На вешалке висел жилет. Рыбацкий, защитного цвета, с кучей карманов на молниях. Год висел. Однажды я сняла его постирать, и Митя устроил такой скандал, что я повесила обратно и больше не трогала. Так мы все и ходили мимо: я, мальчики, Ольга, соседка с пирогами на сороковины.

Теперь я сняла его с крючка. Пахнуло старым табаком и речной тиной. В нагрудном кармане стукнула коробочка с крючками.

Он эти крючки перебирал по вечерам на кухне, раскладывал на газете, а я ходила вокруг с тряпкой и боялась смахнуть. А может, он тогда уже снял комнату в Береговом. Сидел, улыбался своим крючкам и считал дни.

Я затолкала жилет в пакет из супермаркета так, что затрещали ручки. Встала на табуретку и закинула пакет на антресоль, за коробку с ёлочными игрушками.

Ни слёз, ни комка в горле. В прихожей даже дышать стало легче.

Вот от этого и сделалось стыдно. Я слезла с табуретки и долго стояла, уткнувшись лбом в прохладную дверь. Вдова называется. Закинула вещь мужа на антресоль и дышит полной грудью.

В гостиной с фотографии на комоде он смотрел на меня поверх чёрной ленты, молодой, без бороды, в той самой клетчатой рубашке. Я взяла рамку и повернула лицом к стене.

Пусть теперь в обои смотрит.

Ровно в шесть я пришла к свекрови, с папкой под мышкой. Позвонила. Дверь открыла Карина.

– *Зай!*– она повисла у меня на шее и обдала сладкими духами. – *А я подумала: как ты одна туда пойдёшь? Решила поддержать! Галина Петровна не против, правда же?*

Ноги не шли через порог. Её никто не звал. За все эти годы она ни разу не была на этих воскресных ужинах.

Из-за её плеча выплыла свекровь. Чёрный газовый платок, брошь на груди, серьги-кольца. Подставила мне щёку, потом поцеловала сама, сухо и быстро.

– *Проходи, проходи. Тапки там.*

В зале уже стоял разложенный стол. Хрусталь из серванта, салатницы, графин с компотом. Перед большим портретом Андрея в чёрной рамке горела свечка в стеклянном стаканчике, огонёк дрожал от сквозняка из форточки.

Ольга выскочила из кухни с миской, очки сползли на кончик носа.

– *Мариш, привет! Как съездила? Загорела хоть? Ой, нет, совсем не загорела… Садись, садись, я сейчас оливье принесу, там ещё селёдка под шубой, Галина Петровна вчера делала…*

Митя сидел на диване, уткнувшись в телефон. Буркнул «привет» и снова опустил глаза. Пальцы бегали по экрану, губы чуть улыбались: переписывался со своей Алиной. Егор подошёл и прижался боком, как маленький, но тут же отодвинулся, вспомнил, что ему тринадцать. Ноготь на большом пальце у него был обгрызен до мяса.

Я поймала свекровь за локоть у двери на кухню.

– *Галина Петровна, мне надо с вами поговорить. Наедине. Пять минут.*

– *Мариночка, горячее стынет, я курицу полдня делала,*– она мягко высвободила руку. – *За столом и поговорим. Мы же семья, какие у нас секреты?*

И ушла на кухню.

Какие секреты. Ну да.

За столом она села во главе, под портретом. Подняла рюмку с наливкой, и рука у неё задрожала, красиво задрожала.

– *За Андрюшеньку,*– прошептала она еле слышно. – *Царствие ему небесное. Год и месяц уже, год и месяц, как сыночка моего нету…*

Из рукава появился платочек, промокнул глаза. Глаза были сухие. Маленькие, серые и совершенно сухие, я видела.

Митя, не поднимая головы, отпил компот. Егор смотрел в тарелку. Карина сделала скорбное лицо и пригубила. Ольга всхлипнула по-настоящему.

Моя рюмка стояла нетронутая.

– *А ты что?*– свекровь опустила платочек. – *За мужа не выпьешь?*

– *Мариш, ну пожалуйста,*– зашептала Ольга, наклоняясь ко мне. – *Хоть пригуби, тебе что, трудно…*

Все смотрели на меня. Карина под столом тронула мою коленку: не надо. Ольга умоляла глазами. Свекровь держала рюмку на весу и ждала.

Если я сейчас пригублю, то и проглочу.

Я раскрыла папку, достала лист и положила его прямо на тарелку свекрови, поверх курицы.

– *Андрей жив,*– сказала я. – *Я видела его три дня назад. Вот он.*

Стало тихо. Слышно было, как во дворе гудит машина.

Галина Петровна на лист не посмотрела. Даже глаз не опустила. Взяла его двумя пальцами в перстнях, за самый уголок, как грязную тряпку, и отодвинула на край стола. Другую руку прижала к груди.

– *Господи,*– прошептала она. – *Господи, за что мне это…*

И вдруг закричала так, что у Егора дёрнулись плечи:

– *Она не отпускает мёртвого! Год прошёл, год! А она таскает детей в свой бред! Оля! Оля, ты видишь, что твоя сестра делает? При внуках! Над портретом! Я мать, я его оплакала, а она мне бумажки в тарелку суёт!*

– *Вы посмотрите,*– сказала я.

– *Не буду я смотреть на эту гадость!*

– *Левое запястье,*– я говорила тихо и ровно и сама удивлялась своему голосу. – *Там шрам от лески. Белый. Вы его сто раз видели…*

Карина вскочила, обежала стол и прижала меня к себе так крепко, что я ткнулась щекой ей в ключицу. Браслет звякнул у самого уха.

– *Зай, давай не при детях,*– заворковала она мне в макушку. – *Это я виновата, зря я тебя повезла! Всё, всё, давай потихонечку…*

Меня держали, как держат человека, который вот-вот начнёт бить посуду. А я сидела ровно, руки на коленях. Голос я не повысила ни разу.

Договорить про шрам мне так и не дали.

Карина гладила меня по спине, Ольга смотрела в скатерть, а у меня горели уши. Как в школе, когда учительница зачитала мою записку перед всем классом.

Егор потянулся через стол и подтащил лист к себе. Наклонился низко, почти носом в бумагу. Вихор на макушке торчал, как всегда.

– *Мам, это же как у папы,*– тихо сказал Егор. – *Он мне сам показывал, на этой руке. Когда про щуку рассказывал.*

Митя выдернул у него лист и рванул пополам с таким треском, что Ольга ахнула. Сложил половинки и рванул ещё раз.

– *Хватит, мам. Мы только начали жить.*

Обрывки полетели на стол. Один лёг прямо в селёдку под шубой, в свёклу и майонез. Кусок запястья с белой полоской медленно намокал розовым.

Митя смотрел на меня даже не зло. Так смотрят на тётку в автобусе, которая громко разговаривает сама с собой. Смотрел отцовскими голубыми глазами, и от этого было хуже всего.

Егор молча отодвинул стул и ушёл. Дверь в бабушкину спальню прикрылась за ним без стука.

Надо было позвать его. Я даже рот открыла. Но Митя всё смотрел, и голос куда-то делся.

– *Оленька,*– свекровь всхлипнула и промокнула платочком щёку, на которой ничего не было. – *Оленька, ты уж присмотри за ней, ты же сестра. Звони мне каждый вечер, ладно? Куда ходит, с кем разговаривает. Ей отдохнуть надо, в себя прийти. А то ведь так и детей потерять недолго, ты понимаешь?*

Ольга поправила очки и кивнула. На меня она не смотрела. Смотрела на свечку у портрета.

– *Я же как лучше,*– сказала она куда-то в сторону. – *Мариш, правда. Тебе отдохнуть надо.*

– *Галина Петровна дело говорит!*– Карина наконец отпустила мои плечи. – *Давайте, давайте я чаю заварю? С мятой! Всем надо успокоиться.*

А я смотрела на свекровь. На сухие глаза, на платочек, на пальцы в перстнях, которыми она отодвинула лист.

Она не спросила, где это снято.

Не спросила когда. Не спросила, что за человек, откуда у меня снимок, в каком городе, кто стоял рядом. Её сын год лежит в пустой могиле. Тела нет, ни косточки, ни пуговицы. Любая мать хоть на секунду схватила бы этот лист. Хотя бы убедиться, что это не он. Хотя бы ткнуть меня носом: смотри, дура, чужой мужик.

А она отодвинула его двумя пальцами. Она заранее знала, кого там увидит.

Ладони у меня стали ледяные. Я сунула их между коленями.

Значит, знает.

Больше я ничего не сказала. Сидела и смотрела, как Карина хлопочет с чайником, как Ольга бумажной салфеткой выбирает обрывки из селёдки, как свекровь уже одна пьёт свою наливку за Андрюшеньку.

Потом встала и пошла в спальню.

Егор сидел на бабушкиной кровати у шкафа, поджав ноги. Покрывало с кистями сбилось под ним комом. Он смотрел на ковёр на стене.

Пружины скрипнули, когда я села рядом.

– *А почему бабушка даже не посмотрела?*– спросил он, не поворачиваясь.

Вот он, мой единственный свидетель. Сбитые коленки и ямочка на щеке, моя ямочка. Он видел шрам, он его помнил, он мне верил. По голосу было слышно.

Можно было рассказать ему всё прямо сейчас. Про бороду, про женщину в красном, про «я вдовец». Обнять и не отпускать, и было бы нас двое против этого стола.

А потом? Он вернётся в зал, к брату, к бабушке. Будет врать Мите или молчать. Между двух огней, в тринадцать лет.

– *Бабушка устала, Егорушка,*– сказала я. – *Ей тяжело. Ты пока не думай об этом.*

Он пожал плечами. Ноготь снова пошёл в рот.

Я погладила его по голове, и вихор тут же встал обратно торчком. Сын мне поверил, а я ему соврала.

Когда я вернулась в зал, свекровь уже собралась с силами. Пятна на щеках, платок поправлен.

– *Мальчики останутся у меня до конца лета,*– объявила она. – *Пусть мать отдохнёт, подумает. Нечего им дома на всё это смотреть.*

– *Я с ней домой не поеду,*– сказал Митя, глядя в телефон. – *Вообще.*

Сказал про меня, как про соседку.

Оставить их здесь? Под этим портретом, под этой свечкой, с женщиной, которая знает. Которая год смотрела, как Митя носит цветы на пустую могилу, и молчала.

Ну уж нет.

– *Мальчики поживут у Оли,*– сказала я. И всё.

– *Это ещё что такое?!*– свекровь привстала, упёршись руками в стол, хрусталь звякнул. – *Я их год кормила, год! Пока ты по кладбищам ходила да глину свою месила! И вот она, благодарность? Оля, ты слышишь, что она говорит?*

– *Слышу,*– Ольга растерянно перевела глаза с неё на меня. – *Галина Петровна, ну… у меня же диван раскладной, и раскладушка есть… Мне не трудно, правда. Пусть ко мне.*

– *Мне пофиг,*– Митя встал и сунул телефон в карман худи. – *Лишь бы не домой.*

Свекровь опустилась обратно на стул, тяжело, со стоном. Посмотрела на меня поверх очков на цепочке. Долго смотрела. Я выдержала.

Двадцать лет в этом доме всё решала она. Сегодня решила я.

В прихожей было тесно, как всегда: вешалка, тумба с обувью, большое зеркало в раме. Ольга искала с Егором второй кроссовок, Митя уже ждал на лестничной площадке. Карина влезала в туфли на каблуках, держась за мою руку.

– *Зай, давай я тебя отвезу!*– затараторила она. – *И останусь, а? Переночую! Чего ты одна будешь сидеть в пустой квартире, глупости всякие думать? Посидим, вина откроем…*

– *Не надо. Я пешком.*

– *Да какое пешком, сорок минут!*

– *Пройдусь.*

– *Ну как хочешь,*– она вдруг легко сдалась и улыбнулась во все зубы. Слишком широко для такого вечера.

Телефон у неё в руке засветился. Она глянула на экран и перевернула его вниз. Через минуту глянула снова. Браслет с подковкой звенел, она дёргала рукой чаще, чем нужно.

С кем это ты переписываешься, зай, в десятом часу? С Олегом? Олег тебе за всю жизнь столько не написал.

Спрашивать не стала. Просто запомнила: экран вниз, широкая улыбка, браслет.

Ольга вывела мальчиков, Карина зацокала каблуками вниз по лестнице. Я взялась за дверную ручку.

Галина Петровна стояла у зеркала спиной ко мне и подтыкала уголок чёрного платка под брошь. Сказала, не оборачиваясь, между делом:

– *И не вздумай снова ехать в своё Береговое.*

Ручка под ладонью была холодная. Я так и застыла.

Город я не называла. Ни ей, ни при ней. Ни за столом, ни в прихожей, ни вчера по телефону. Карина звонила Олегу с юга и говорила «на море». Ольге я писала «у моря». Название этого города в нашей семье не произносил никто.

Кроме того, кто ей оттуда звонит.

Я подняла глаза. В зеркале её лицо оказалось прямо напротив моего. Маленькие серые глаза. Секунду мы смотрели друг на друга.

Она первой отвела взгляд, на портрет в зале, на свечку.

Вышла на лестницу, не попрощавшись. За спиной щёлкнул один замок, потом второй, и звякнула цепочка.

Глава 4. Слишком точная

– *Нет,*– сказала Тамара, не дослушав. – *Денег нет. Рук своих хватает. Дверь прикрой, пыль с улицы летит.*

Она даже голову не подняла. Сидела за столом у печи, щурилась в тетрадку с цифрами, и сигарета у неё за ухом торчала, как карандаш у продавщицы.

Дверь я прикрыла. Только изнутри.

В полуподвале пахло сырой глиной и горячей проводкой. Два круга, один под тряпкой, полки с обжигом до потолка. На средней полке стопками стояли белые тарелки с золотым ободком, и на дне у каждой был оттиснут вензель с витой буквой «Л».

– *Я двадцать лет на круге,*– сказала я. – *Посуда на заказ, глазури сама варю. Возьмите хоть на неделю. Посмотрите, что я умею.*

Тамара наконец подняла глаза, зелёные и усталые, в сеточке морщин. Посмотрела на меня раз, потом второй, уже внимательнее, и угол рта у неё дёрнулся.

– *Стоп,*– она ткнула в меня ручкой. – *А я тебя знаю. Это ты в «Маяке» на Ладкиного жениха кидалась? В чате видео висит, весь город посмотрел. «Покажи запястье, покажи запястье».*

Передразнила она хрипло, и вышло похоже. Противно похоже.

– *Я.*

– *Ну так и иди отсюда, милая.*– Тамара встала, придерживая полу халата в синих огурцах. – *Лада у меня главная заказчица. Мне семью кормить. Ещё не хватало, чтоб она узнала, что у меня тут её сумасшедшая лепит.*

Сумасшедшая. Третий раз за неделю. Скоро на визитке напечатаю.

Оправдываться было бесполезно. Я взяла с полки верхнюю тарелку из стопки «Лады» и повернула к свету.

– *Глазурь у борта потекла,*– сказала я. – *Вот наплыв, видите? Печь у вас неровно греет, верх перекаливает. А по дну цек пошёл, сеточка мелкая. Глазурь густо положили, она с черепком не дружит.*– Я взяла вторую тарелку, третью. – *Из этой стопки Лада штук двенадцать не примет. Если она посуду сама принимает, а не официантку присылает.*

– *Сама,*– буркнула Тамара.

– *Тогда двенадцать. Может, четырнадцать.*

Тамара выдернула у меня тарелку, поднесла к лампе и долго водила по дну жёлтым ногтем. Губы у неё шевелились: считала. Потом с грохотом поставила тарелку на стол.

– *Руки покажи,*– сказала она. – *Языком я и сама умею.*

И мотнула головой на круг под тряпкой.

Ладони у меня сразу стали мокрые.

* * *

Я сняла тряпку, а сесть смогла не сразу.

Год я не садилась за круг. Дома он стоял на балконе, и Егор вешал на него мокрые полотенца после бассейна. Мне было всё равно.

Тамара отрезала проволокой кусок глины и шлёпнула его на стол. Я размяла ком, выбила воздух, бросила на середину головки и нажала педаль.

Руки помнили всё, кроме главного. Ком пошёл восьмёркой, я налегла ладонями, а он упирался и бился, как живой. И вдруг сорвался и шмякнулся на пол у моих ног.

– *У меня тут не богадельня,*– сказала Тамара от двери. Она курила на ступеньках, выпуская дым на улицу. – *Глина денег стоит.*

Я подняла ком. Он был в пыли и песке, теперь только в отходы.

Последний раз я сидела за кругом первого июня прошлого года. Андрей с вечера грузил в машину снасти и ворчал, что опять нет нормальных крючков. А я лепила соседке салатники на юбилей и пела себе под нос. Пела, потому что впереди были целые выходные без него: без телевизора на всю квартиру, без «Марин, где мои носки».

Пела, а он в это время уже знал, что не вернётся.

Щёки загорелись так, будто Тамара всё это слышала.

Пальцы сунула под холодную воду и держала, пока не заныли. Потом взяла новый кусок и села ровнее. Локоть в бедро, как учили в училище, ладони домиком.

Медленно. Не спеши, Мариш. Силой ты его не возьмёшь, с ним надо договориться.

Ком дрогнул и встал. Я раскрыла его большими пальцами, повела стенку вверх, и глина пошла за руками, тонко и ровно. Цилиндр. Срезала, поставила на доску. Второй вытянула быстрее.

Сзади зашуршало. Тамара бросила окурок в ведро с песком.

– *Значит, так,*– сказала она хрипло. – *Плачу наличкой. Никаких договоров. Половина ставки, не нравится, иди. И просрочку по «Ладе» закрываешь ты. Мне эти тарелки ещё в понедельник надо было сдать.*

Половина ставки. Дома за такие деньги я бы и ведро с отходами не вынесла.

– *Согласна.*

Тамара прищурилась. Ждала торга и, кажется, обиделась, что его не было.

Деньги тут были ни при чём. Мне нужна была эта дверь в двух кварталах от его ресторана. И повод каждый день ходить мимо его окон.

* * *

На соседней улице нашлась комната, в частном доме за синими воротами. Хозяйка, сухая старушка в панаме, долго разглядывала меня через калитку.

– *А это не про вас говорят, что вы в «Ладе» скандалите?*– спросила она в лоб. – *Мне проблем не надо, у меня летом внуки.*

Я молча достала деньги за две недели вперёд. Старушка посмотрела на купюры, на меня, опять на купюры. Через минуту ключ уже лежал у меня в ладони.

Комната была узкая, как купе: кровать с панцирной сеткой да стул. Окно выходило в соседскую стену, белёную известью, такую близкую, что можно было достать рукой.

Зато своя дверь. И ключ от замка только у меня.

Сетка ухнула подо мной. Я набрала Ольгу.

– *Мариш, ну хватит уже, а?*– начала она сразу, даже без «привет». – *Возвращайся. Лето же, мальчики… Как это вообще, мать на юге, а дети у тётки? Галина Петровна мне уже третий раз звонит, места себе не находит…*

– *Не находит,*– повторила я.

– *Ну да. Ты же её знаешь, когда она волнуется…*

– *Оль, запиши адрес. Портовая, семнадцать, полуподвал. Керамическая мастерская. Я там работаю, днём всегда там.*

– *Работаешь?!*– Она охнула. – *Господи…*

– *Это только для тебя. На случай, если с мальчиками что-то. Слышишь? Только для тебя.*

Ольга помолчала. Было слышно, как ручка шуршит по бумаге.

– *Ну конечно,*– сказала она тихо. – *Никому. Я же не дура.*

Не дура, Оля. Просто ты не умеешь говорить «нет» громким людям. А Галина Петровна громкая.

– *Дай Митю.*

Она отвела трубку, позвала. Где-то далеко бубнил телевизор, Егор над чем-то смеялся, а потом раздался Митин голос, ломкий и злой:

– Скажи, я сплю.

– Митя, это мама…

– Сплю, сказал!

Хлопнула дверь. Ольга вернулась в трубку и виновато задышала.

– Мариш, он просто…

– Я слышала.

Отбой. Белая стена за окном. Шестнадцать лет назад я носила его на руках, и он орал, стоило мне выйти из комнаты. А теперь «скажи, я сплю».

Телефон зажужжал почти сразу. Карина.

– Зай!– закричала она так, что я отвела трубку от уха. *– Ты где?! Я тебе домой звоню, никто не берёт, заезжала к тебе, соседка говорит, ты во вторник с сумкой ушла! Ты что творишь? Давай я приеду, вина возьму, посидим, а?*

За стеной у соседей зашумела вода. А над крышей заорали чайки, громко, с подвывом, как они орут только у моря.

Карина замолчала.

На полсекунды, не больше. Но я её ещё с училища знаю. Она замолкает, только когда ей нечем крыть.

– Зай,– голос у неё стал сладкий, как сгущёнка. *– Ты же не туда опять? Ну скажи, что не туда. Это опасно, понимаешь? Он там вон какой человек, у него весь город. Давай, давай, говори адрес, я завтра же приеду, побуду с тобой…*

Перед глазами встала прихожая свекрови. Карина у зеркала, телефон экраном вниз. И улыбка до ушей.

Зачем тебе мой адрес, Каринка? Вино можно и по телефону пить.

– Мне хорошо,– сказала я. *– Пока.*

И отключилась первой, пока она набирала воздуха на новую тираду.

* * *

После обеда Тамара ушла на рынок, на ходу натягивая платок на баклажановые волосы.

– Вензеля на сорок штук,– бросила она в дверях. *– Золотом. Ладка любит, чтоб блестело.*

Вымыла кисти, развела золото, поставила перед собой первую тарелку.

Свадьба в августе, это я уже знала от официантки. Из этих тарелок гости будут есть уху и поднимать рюмки «за молодых». А мой муж будет сидеть во главе стола в льняной рубашке и хохотать, запрокинув голову.

Шарахнуть бы эту тарелку об стену. Чтобы осколки по всему полуподвалу и золото в пыль.

Я обмакнула кисть.

«Л». Тонкая линия сверху, нажим вниз, завиток. Ровно. Ещё ровнее. Ни одного дрожащего штриха, Андрюша. Пусть твоя невеста переворачивает каждую тарелку и не находит ни одного изъяна. Пока я рисую ей эти буквы, я сижу в двух кварталах от тебя, и сделать ты с этим ничего не можешь.

Седьмая тарелка. Восьмая.

Над дверью звякнул колокольчик.

На пороге стоял высокий мужчина, пригнувшись под низкой притолокой. Рабочая рубашка с закатанными рукавами, на предплечьях выгоревшие рыжеватые волоски, ладони в тёмных пятнах лака.

Узнала его сразу. В «Маяке» он сидел за столиком невесты и не смеялся, когда смеялись все. Он же потом стоял ночью под моей гостиницей.

Он меня тоже узнал, светлые брови чуть сдвинулись. Но разворачиваться не стал. Спустился по ступенькам и закрыл за собой дверь.

Всё. Сейчас скажет: «Уезжай». Или пойдёт к сестре: так и так, твоя сумасшедшая у Тамары тебе тарелки расписывает. Или просто усмехнётся. Лишь бы ушёл раньше, чем хоть что-то из этого скажет.

Кисть застыла над девятой тарелкой. С кончика сползла золотая капля и упала прямо на ободок.

Он подошёл к столу и остановился в шаге. Посмотрел на расписанные тарелки, на витую «Л». Потом на мои руки: глина под ногтями, мелкие белые шрамики на подушечках.

– *Тамара мне таблички должна,*– сказал он. – *Для лодок. Именные.*

Голос низкий, неторопливый. Такой не повышают, его и так слушают. Он прошёл у меня где-то под рёбрами, и мне это не понравилось.

– *Тамары нет,*– сказала я резко. – *Приходи вечером.*

Он не ушёл. Стоял и смотрел, как капля расплывается по ободку.

– *Испортила.*

– *Сотру. Тебе-то что?*

Он помолчал. Потом сказал, как будто продолжал давно начатый разговор:

– *Я проверил.*

Я подняла на него глаза. Ничего не поняла.

– *В воскресенье обедали у Лады,*– сказал он медленно, с паузами. – *Я при ней спросил его про шрам. На левой руке. Он сразу ответил: от пожара. Даже не подумал.*– Он чуть качнул головой. – *А я с семи лет на воде. От огня такой полосы не бывает. Огонь пятном берёт, стягивает. А тонкая, белая, с перехлёстом… Это леска. Рыбина рванёт, а у тебя на руку намотано.*

В ушах зашумело.

Егорова щука. Андрей на даче водил пальцем по этому шраму: «Во такая была, сынок, чуть руку не отхватила». Егор слушал, открыв рот.

– *Я проверил,*– повторил Степан. – *Ты не сумасшедшая. Ты слишком точная.*

Горло перехватило так, что больно стало глотать.

Целую неделю. Митя порвал фотографию и ушёл. Ольга смотрела на меня, как на чужую. Карина гладила по спине и шептала «тебе показалось». Свекровь при всех назвала безумной. А чужой мужик с руками в лаке пришёл с улицы и сказал: не сумасшедшая.

Я встала, отвернулась к раковине и открыла кран. Вода побежала по глиняным разводам, а я ничего не видела. Глаза текли, и остановить это я не могла. Только плечи держала ровно, чтобы не тряслись.

Он ничего не сказал. Не похлопал, не стал бубнить «ну-ну, не надо». Сзади что-то тихо легло на край раковины. Чистая ветошь, сложенная вчетверо.

И тишина. Он просто ждал.

Ветошь пахла лаком и опилками. Я вытерла лицо, завернула кран и повернулась.

– *Почему ты ночью стоял у моей гостиницы?*– Голос сел, но спросила я прямо.

Он отвёл глаза и шагнул к полке с готовыми табличками, бирюзовыми, с выдавленными буквами. Взял верхнюю.

– *«Чайка»,*– прочитал он. – *Хорошо вышла.*

– *Почему?*

Он вздохнул.

– *Он убрал левую руку за спину раньше, чем ты закричала про шрам,*– сказал он нехотя. – *Не после. Раньше. Я видел. Больной так не делает.*

Он протянул мне табличку.

– *Остальные где? Тамара говорила, их шесть.*

Я взяла «Чайку», и наши пальцы столкнулись на холодной глазури. Его были тёплые и шершавые, как наждачка. На подушечке левого большого белел короткий гладкий шрам. Стамеска, наверное, когда-то сорвалась.

Тепло прошибло от пальцев до затылка. Глупое, совсем не к месту. Я смотрела на его руку и думала, какие у него ладони, если их перевернуть.

Марина, ты чего? Вот теперь, похоже, и правда с ума сошла.

Отдёрнула руку с табличкой.

Он задержал на мне взгляд. Зелёные глаза в мелких морщинках от солнца. На секунду дольше, чем нужно. Потом опустил.

– *Ты мне поможешь?*– спросила я. – *Ты же видишь, что он врёт. Сам сказал.*

– *Не помогу,*– ответил он сразу. – *Скажу сразу, чтоб не думала. Лада моя сестра. Я её с девяти лет растил, отец ушёл. Свадьба шестнадцатого августа. Она полгода готовится, ресторан под это закрывает.*– Он помолчал. – *Шрам это шрам. Мало ли что я вижу. Без бумаг я против неё не пойду. Она не простит. И правильно сделает.*

– *То есть тебе всё равно, кто у неё за столом сидит?*

– *Не всё равно,*– сказал он тяжело. – *Вранья не люблю. Потому и пришёл. А союзник я тебе никакой. Не путай.*

Ну и проваливай со своей честностью, хотела я сказать. И промолчала.

Второй раз просить было без толку. По лицу видно: он это решение сутки крутил и теперь не сдвинется.

Ладно. Не хочешь впереди меня идти, пойду сама.

– *Оставшиеся пять я тебе сделаю,*– сказала я. – *Тамара их неделю не трогала, посмотрю. К пятнице будут.*– Я вернула «Чайку» на полку. – *И из города я не уеду. Можешь сестре так и передать. А доказательства будут. Бумаги, как ты любишь.*

Он посмотрел на меня долго, с каким-то новым интересом. Потом кивнул.

– *К пятнице,*– сказал он и пошёл к двери.

Колокольчик звякнул, и стало тихо.

Девятая тарелка с золотой кляксой ждала на столе. Я намочила ветошь, ту самую, и стёрла каплю одним движением.

Руки больше не дрожали.

* * *

Тамара вернулась ближе к вечеру с двумя клетчатыми сумками. Поставила их у порога, увидела стол и замерла.

Двадцать три тарелки стояли расписанные. На газете сохли пять табличек для лодок с выдавленными названиями.

– *Ты это когда успела?*– спросила она так подозрительно, будто я у неё глину украла.

– *Днём.*

– *Хм.*– Она обошла стол, поковыряла ногтем край тарелки. Золото не стёрлось. – *Ну раз так. К четвергу всю партию добьёшь. И сама Ладке отнесёшь. Мне с этими сумками туда тащиться некогда.*

– *Не пойду.*

– *Это ещё почему?*

– *Рано мне туда. Отнесу, когда всё будет готово. Когда, сама решу.*

Тамара фыркнула и сунула в рот сигарету.

– *Не моё дело,*– буркнула она и ушла курить на ступеньки, ворча, что набрала себе на голову принцессу.

Телефон пискнул. Сообщение от Егора. С воскресенья он мне не писал.

«Мам. А у папы шрам был на левой руке? Точно на левой? Я помню что на левой. Митьке не говори что я спрашивал».

Перечитала три раза. Он сейчас сидит у Ольги на раскладушке, отвернувшись к стенке, чтобы Митя не видел экран. Грызёт ноготь. Ждёт.

Рассказать бы ему про бороду, про «Ветрова», про Степана. Чтобы хоть кто-то из моих детей знал, что я ничего не придумываю. Только ему тринадцать. Ему бы в бассейн да на велосипед, а не помогать матери ловить отца на вранье.

Я отправила одно слово: «Левой». И сердечко.

* * *

В восемь я выключила печь, погасила лампы и вышла. Тамара ушла ещё в семь. Заперла дверь на два оборота, потянула вниз железную решётку витрины, и та с грохотом опустилась до упора.

Улица остыла. Пахло морем и жареной кукурузой с набережной. Мимо прошла компания отдыхающих с надувным кругом.

Я повернулась и застыла.

Через дорогу, у газетного киоска, стоял мужчина в светлой льняной рубашке. Волосы зачёсаны назад, борода с рыжиной.

Газету он не покупал. В телефон не смотрел. Стоял, сунув руки в карманы, и смотрел прямо на мою витрину.

Ключи врезались мне в ладонь.

Утром этого адреса не знал никто. Ни Карина, ни свекровь, ни одна душа в моём городе. Днём я назвала его один раз, по телефону, в узкой комнате с окном в стену.

Только Оле.

Андрей перевёл взгляд с витрины на меня. Спокойно, не моргая, через всю улицу. Секунда, вторая, третья.

Потом коротко кивнул мне. Как соседке, с которой здороваются по утрам у подъезда.

Он подошёл к серой машине у тротуара и сел за руль. Стартер захрипел раз, другой, третий. Мотор не схватывал, а я стояла с ключами в кулаке и слушала этот хрип через всю улицу.

На четвёртый раз машина взревела и рванула с места так, что из-под колёс брызнул песок.

Глава 5. Добрый день, мама

Колокольчик над дверью не звякнул.

Я подняла голову, потому что на мокрый круг легла тень. Андрей стоял на пороге и держал язычок колокольчика двумя пальцами. Дождался, пока тот перестанет качаться, и отпустил.

Тамара с утра ушла на рынок. В мастерской была одна я: глина по локоть, на круге наполовину вытянутый цилиндр.

– *Доброе утро,* – тихо сказал он и перевернул табличку на двери. С улицы теперь читалось «Закрыто».

Ко мне он не подошёл. Встал у прилавка, как раз между мной и выходом, и улыбнулся. Так он раньше улыбался кассиршам, когда просил пробить без очереди: тепло, с ямкой у рта, чтобы отказать было неловко.

Нога так и осталась на педали. Цилиндр под пальцами повело, он завалился набок и смялся в лепёшку.

– *Мастерская на Портовой, семнадцать. Полуподвал. Днём ты всегда здесь, Мариш,* – начал он почти ласково и кивнул на полки. – *Тамара, между прочим, глину в долг берёт. Сто сорок тысяч, срок до конца месяца. А Лада у неё посуду заказывает, это половина выручки. Пойми меня правильно, мне будет жалко, если Тамаре из-за тебя придётся выбирать.*

– *Уходи,* – сказала я.

– *Уеду не я.* – Голос у него стал совсем бархатный. – *Уедешь ты. Поезд вечером, я узнавал.*

Портовая, семнадцать. Днём всегда там. Мои слова, слово в слово, как я говорила Оле.

Адрес мастерской я назвала один раз и одному человеку. А Оля каждое воскресенье сидит у свекрови за раздвижным столом, кивает и подкладывает всем салат. От моего рта до его уха было ровно два звонка.

Андрей шагнул к полке и, не глядя, взял сырую чашку из утренней партии. Мою. Сжал пальцами край, и на глине остался вдавленный след его большого пальца.

– *У тебя пенсия есть,* – сказал он. – *Квартира есть. Живи. Тихой вдове никто слова не скажет. А ты бегаешь, людей пугаешь, уху мне носишь. Ну зачем? Я устал, Марин. Ты не представляешь, как я устал.*

Я смотрела на его руку на моей чашке и считала. Пенсия. Квартира. Тихая вдова.

Я ждала хотя бы одного слова про мальчиков. Он снова выбрал пенсию. Минут пять он стоял в моей мастерской и ни разу не спросил, как там его дети.

Руки под фартуком ходили ходуном. Зато в голове стало пусто и чисто, как на только что вымытом полу.

Куртку на берегу опознала свекровь. Одна. Никто из нас её толком даже не видел.

– *Твоя мама проговорилась,* – сказала я. – *Про куртку у камышей.*

У него на языке явно вертелось что-то гладкое, про то, что я опять себе напридумывала. Улыбка у него осталась на месте, но глаза стали пустыми.

Он поставил чашку мимо полки. Она стукнулась о край и шлёпнулась на бетон.

Андрей не нагнулся и не обернулся. Повернул табличку обратно на «Открыто», колокольчик звякнул, дверь закрылась.

Из окна было видно, как он уходит по улице. Быстро, ссутулившись, и телефон в руке так и не появился.

* * *

Чашка лежала на полу бесформенным комком. Я присела над ней, и оказалось, что руки трясутся так, что глину не подобрать.

Что я наделала? Ляпнула наугад. Если угадала, он теперь знает, что я знаю. Сегодня же позвонит матери, они договорятся, куртка исчезнет из шкафа, а свекровь при всех расплачется, что невестка лезет к ней с допросами. Сама же его и предупредила, своими руками.

Хотя нет. При мне он звонить не стал. И на улице телефон не вынул. Значит, звонить будет не он.

Позвонит она. Если узнает.

Телефон лежал на подоконнике, весь в глиняных отпечатках. Вытерев пальцы о фартук, я набрала Олю.

– *Мариш!*– Она ответила с первого гудка. – *Господи, я уж думала, ты опять не возьмёшь. Ты как там? Ешь хоть? Мальчики нормально, Егорка вчера две тарелки супа съел, а Митя…*

– *Оль, послушай.*

– *Нет, это ты послушай. Тебе надо отдохнуть. Правда, Мариш, я ж за тебя переживаю. Может, приедешь, побудешь с нами, я отгулы возьму…*

– *Андрей сейчас приходил,*– сказала я раздельно, по слову. – *Он всё признал. И про маму тоже.*

В трубке стало тихо. Было слышно, как у неё на кухне бормочет телевизор.

– *Что… про какую маму?*

– *Про свою. Оль, никому не говори. Слышишь? Никому.*

– *Да, конечно. Конечно, Мариш…*

Разговор оборвала я. На экране было одиннадцать сорок две.

Никому она не скажет. Минуты три помучается, протрёт очки, а потом наберёт свекровь, потому что Галина Петровна старшая и знает, как лучше. Родную сестру я только что использовала как телефонный провод, и щёки горели, как если бы меня поймали с рукой в чужом кошельке.

Фартук полетел на табурет. Я вышла, даже не помыв рук.

* * *

На террасе «Лады» под белыми навесами сидело человек десять: отдыхающие с детьми, две женщины в шляпах, мужчина с газетой. Андрей был на своём месте у окна. Перед ним салфетка, стакан воды и телефон экраном вверх.

Соседний столик пустовал. Туда я и села. До его плеча было метра полтора.

Он увидел меня сразу и уставился на море.

Подбежала Вика с бейджиком на груди. Вика замялась и наклонилась ко мне.

– *Извините, пожалуйста…*– зашептала она. – *Хозяйка сказала вас не обслуживать. Вы только не обижайтесь, ладно? Я тут вообще ни при чём, правда…*

– *Я ничего не заказываю. Посижу просто.*

Она постояла с подносом, не зная, куда его деть, и убежала внутрь.

Андрей не уходил. Встань он посреди обеда, вся терраса поймёт, что вдовец бегает от сумасшедшей. Поэтому он пил воду мелкими глотками и разглядывал чаек. А я разглядывала его телефон.

Со стороны мы были двумя чужими людьми за соседними столиками. Одна кровать, двое детей. Теперь соседи по террасе.

Дверь из зала распахнулась. Вышла Лада в белой блузке и чёрных брюках, волосы стянуты в высокий хвост. За ней семенила Вика.

– *Так,*– громко сказала Лада, и мужчина за соседним столиком опустил газету. – *Я, кажется, ясно сказала. Сама уйдёшь или мне ребят позвать?*

– *Я у Тамары расписываю ваши тарелки,*– ответила я. – *С вензелем «Л». Золото по краю, сорок штук. Окна у вас на юг. Хочу посмотреть, как золото ляжет при морском свете. Под лампой в мастерской оно другое.*

Лада моргнула. Посмотрела на меня так, будто я заговорила на чужом языке, а потом выяснилось, что на её собственном.

– Это ты, что ли, Тамарин брак переделывала?

– Я.

– Хм.– Она оглянулась на столики. Женщины в шляпах смотрели с интересом, мальчишка рядом с родителями вывернул голову. Второго скандала при гостях Ладе явно не хотелось. *– Ладно. Посиди до кофе, за счёт заведения. Вика, принеси. И без фокусов мне тут, понятно? Что с тобой делать, я потом сама решу.*

– Понятно.

Андрей за её спиной глянул на часы. Через минуту ещё раз. Я тоже посмотрела на экран. Одиннадцать пятьдесят три.

Вика поставила передо мной чашку. Кофе пах жжёным сахаром и остывал без меня.

Без шести двенадцать телефон на его столе зажужжал и пополз по скатерти. На экране одно слово: «Мама».

Андрей накрыл экран ладонью, как осу прихлопнул. Встал, поцеловал Ладу в висок.

– Поставщики,– бросил он. *– Солнце, я на минутку.*

И ушёл через зал в сторону кухни.

Лада проводила его взглядом и пошла встречать гостей у входа. Двенадцать минут от моего звонка. Оля, похоже, даже очки протирать не стала.

* * *

В зал я вошла так, как входят к себе домой.

Вика стояла у кухонной двери с подносом. Увидела меня и шагнула навстречу, загородила проход плечом.

– Ой, туда нельзя, там же кухня…

– Лада разрешила посмотреть, где у вас моют посуду,– сказала я и прошла мимо, задев её локтем. Вика осталась стоять с открытым ртом.

За дверью тянулся коридор с зелёными стенами. Пахло ухой и жареным луком, справа гремели крышками, шипело масло. Включив на телефоне диктофон, я пошла медленно, на носках.

У поворота к чёрному ходу пришлось остановиться. За углом шептали. Этот голос я узнала бы и в метро в час пик.

– Мам, не плачь. Ну не плачь, слышишь?– Шёпот был торопливый, бархата в нём не осталось. *– Ничего она не знает. Ничего. Блефует она… Я же просил сюда не звонить, сколько раз просил!*

Пауза. В трубке высоко и быстро причитали, слов было не разобрать.

– Да Ольга всё перепутала, дура. Не говорил я ей ничего, ты что? Мам. Мама. Дыши. Вечером наберу, с другого места…

На кухне что-то с грохотом упало, кто-то беззлобно, по-домашнему выругался. Я вжалась спиной в холодную стену. Колени стали ватные, а изнутри поднималось что-то весёлое и злое, как в детстве, когда через забор к соседям за яблоками.

Он её утешал. Гладил голосом, как ребёнка по спине. Ту самую женщину, которая год стояла рядом со мной у гранитной таблички в чёрном газовом платке и держала меня под руку, чтобы я не упала.

Я вышла из-за угла не таясь.

Андрей стоял у двери чёрного хода спиной ко мне, прижав телефон к уху. Подойдя так близко, что почувствовала его одеколон, новый, чужой, я сказала громко, прямо в трубку:

– Добрый день, мама. Он рядом.

Он не дёрнулся. Плечи просто окаменели.

И раньше, чем палец нашёл кнопку, из трубки вырвался высокий, срывающийся голос, который я узнала бы из тысячи:

– *Андрюша, зачем ты ей…*

Отбой. Поздно.

Он обернулся. Глаза белые, бешеные. Рванулся к моей руке с телефоном, я отступила и спрятала руку за спину.

– *Отдай,*– прошипел он. – *Отдай сюда, ты…*

Хлопнула кухонная дверь. В коридор вышел повар, грузный, в белой куртке, на ходу вытирая руки полотенцем.

– *Андрей Викторович, у вас тут всё нормально?*

Андрей выпрямился. За секунду лицо у него сделалось растерянным и несчастным: обидели человека на пороге собственного дома.

– *Да опять эта женщина, Саш,*– пробормотал он и развёл руками. – *Уже на кухню пролезла. Я не знаю, что с ней делать, честное слово.*

Повар перевёл взгляд на меня. Без злости, скорее с любопытством.

Голос у меня сел сам, кричать я бы и не смогла.

– *Значит, мама знала,*– сказала я. – *Андрюша.*

Повар перестал вытирать руки. Андрей промолчал. Устроить сцену здесь, при Саше, который потом всё расскажет официанткам, а официантки Ладе, он не мог.

Он развернулся и первым ушёл в зал. Дверь качнулась за ним туда-сюда.

– *Выход там,*– сказал повар и кивнул на чёрный ход. Подумал и добавил: – *А Андрюшей его на кухне никто не зовёт. Только Андрей Викторович.*

Я вышла на улицу.

* * *

Парапет набережной так нагрелся, что жёг через платье. Сев спиной к морю, я вставила наушник и включила запись.

Скрип моих шагов. Шипение масла. Его шёпот: «Мам, не плачь». Мой голос, неожиданно громкий и чужой. И её голос. Чисто, без помех, каждое слово: «Андрюша, зачем ты ей…»

Прослушала три раза. На третий торжество куда-то делось, как волной смыло.

Год. Целый год она носила этот платок. Каждое воскресенье встречала нас у кладбищенских ворот, поправляла Мите воротник и вздыхала: «Папа бы тобой гордился». Митя покупал на свои карманные гвоздики, по две, чётное число, как положено.

Егор протирал табличку рукавом. А она стояла рядом и знала, что под гранитом пусто. Знала и молчала, пока мой мальчик клал цветы на пустое место.

Горло перехватило так, что не сглотнуть. Слёзы потекли сами, и когда, я не заметила.

Мимо шла пара с мороженым. Женщина посмотрела на меня и отвела глаза.

И Оля. Двенадцать минут. Значит, каждое моё «как мальчики», каждое «я сняла комнату» назавтра же ложилось на стол свекрови. Оля не со зла, по-другому она просто не умеет.

Переписка с Митей открылась на июне. Последнее от него: «норм».

Скинуть ему запись? Не поверит. Решит, что я подделала, нашла похожий голос, что мать совсем того. Закроется, и я его потом не дозовусь. Ему шестнадцать, он год носил отцу гвоздики, и кидать ему такое в мессенджер между мемами нельзя.

Я написала: «Митя, как ты? Позвони, когда сможешь». Отправила. Запись загрузила в облако, потом переслала себе на почту и проверила, что письмо дошло.

Галочки под сообщением сыну остались серыми.

* * *

Вечером Тамара встретила меня на пороге, руки в боки.

– *Явилась. Полдня где-то шляешься, мастерская нараспашку, чашка на полу всмятку. Кто это её так?*

– *Покупатель неаккуратный.*

– *Покупатель,* – хрипло передразнила она. – *Я тебе за прогулы не плачу, учти. Мне семью кормить.* – Она сунула в рот сигарету и ушла курить на ступеньки, не дожидаясь ответа.

Налив в ведро воды, я взялась за круг. За день глина по краям засохла серой коркой, оттирать приходилось ногтями. Руки работали сами, и в голове понемногу утихло.

Колокольчик звякнул.

Степан стоял в дверях, пригнув голову под низкой притолокой. В одной руке старый зелёный термос, в другой две эмалированные кружки, сцепленные ручками.

– *Добрый вечер,* – сказал он. Поставил термос на край стола и помолчал. – *Днём у сестры в коридоре шумели.*

Ну вот. Сейчас опять объяснять, что я не врывалась, что Лада сама разрешила посидеть, что я не сумасшедшая…

– *Я понимаю, как это выглядело,* – быстро заговорила я. – *Но я не просто так туда пошла. Был звонок, и я…*

Он открутил крышку термоса, налил в кружку тёмного чая, от которого пахнуло чабрецом, и протянул мне. Потом кивнул на табурет.

Я села. Он устроился напротив, на ящике с глиной, налил себе.

И ничего не спросил. Ни слова.

Чай был сладкий, с чабрецом. Затылок, весь день деревянный, понемногу отпустило. Ничего не надо было доказывать: ни про звонок, ни про повара, ни про Олю. Он просто сидел рядом, большой и тихий, и пахло от него лаком и деревом.

Он протянул руку, чтобы подлить мне, и его пальцы легли поверх моих. Ладонь шершавая, в засохших каплях лака, тёплая. Задержал её на секунду дольше, чем нужно, чтобы забрать кружку.

Взгляд у меня прилип к белому шраму на подушечке его большого пальца. Ровный, давний, от стамески, наверное. Какие у него тяжёлые руки, и как осторожно он держит ими эту несчастную эмалированную кружку. Думала я об этом гораздо дольше, чем положено женщине с кольцом на левой руке.

Посиди ещё. Ну хоть пять минут.

Он допил, встал, закрутил крышку на термосе. Мою кружку оставил на столе.

– *Завтра за табличками не зайду, закрутился. Заберу в понедельник,* – сказал он.

– *В понедельник,* – ответила я.

Посмотрел на меня ещё секунду и вышел. Колокольчик звякнул. За дверью стояли тёплые сумерки, а в конце улицы, на набережной, горели огни ресторана его сестры.

Всё правильно. Сестра есть сестра. А всё равно обидно, как в детстве.

Чай в кружке успел остыть, когда на подоконнике пискнул телефон.

Наверное, Егор. Телефон пришлось взять левой рукой, в правой так и оставалась кружка.

Номер свекрови. Писать она мне никогда не писала. Только звонила по воскресеньям, ровно в десять, напомнить, во сколько ужин.

«Внуков ты больше не увидишь. Напишу в опеку, что ты не в себе. Мальчики у Оли, она оформит всё, я помогу».

Глава 6. Тайный ход

Лада переворачивала каждую тарелку и смотрела её на свет. Искала трещину, которую я могла ей подсунуть.

– *Двенадцать,*– сказала она и поставила последнюю на стопку. – *На седьмой вензель кривой.*

– *Он не кривой. Он от руки.*

Её карие глаза с золотыми крапинками прошлись по мне: мятый чёрный балахон, коса. Так смотрят на чужую собаку, которая забрела во двор. Пока не кусается, но кто её знает.

Третий день у меня в телефоне висело сообщение свекрови. Перечитывать его было незачем, я помнила каждое слово. Ольга на звонки отвечала через раз и всё время куда-то бежала.

«Мариш, ну мальчики поели, всё нормально. Какая опека, ты что, это она сгоряча. Мне на работу, давай вечером». Вечером Ольга не перезвонила. Мите я писала каждый день, и под каждым сообщением торчали две серые галочки.

У Лады зазвонил телефон. Она глянула на экран и выпрямилась.

– *Да, слушаю.*– Голос у неё тут же поехал вверх. – *Сколько? Вы мне во вторник другую цифру называли! Нет, это вы послушайте. Мне сервиз нужен завтра к обеду, у меня ужин на Виноградной, двадцать человек, родня, друзья… Что значит «печь сломалась»? А раньше вы где были?*

Виноградная. Его дом.

У меня перехватило дыхание. Там он спит, ест, бреется по утрам. Там его вещи. Не может быть, чтобы за год он не притащил туда хоть что-нибудь из нашей жизни.

– *Да идите вы со своей печкой!*– Лада швырнула телефон на стол.

Сумку я расстегнула раньше, чем успела подумать. Пробная тарелка, серо-голубая, с матовой глазурью, с прошлой недели лежала завёрнутой в газету, рядом чаша из того же обжига. Я выложила их на скатерть, прямо возле её вензелей.

– *Это что?*– Лада даже не повернула головы.

– *Сервиз на завтра. Сколько вам надо? Тридцать два предмета? Сорок?*

– *Тебе какое дело?*

– *У Тамары на полке готовый серо-голубой фаянс, уже с глазурью. Такой же, как на пробной. На треть дешевле, чем в «Глазури». К завтрашнему полудню привезу.*

Она взяла чашу, явно нехотя, повертела. Провела пальцем по краю.

– *Толстый край,*– сказала она.

– *Чтобы официанты не били. В посудомойке глазурь не облезет. В стопку встают ровно, я проверяла.*

Про глину, Марина. Только про глину. Про Андрея ни звука.

– *Я тебя рядом с ним видеть не хочу,*– тихо сказала Лада, чтобы не услышала Вика у стойки. – *Ты это понимаешь?*

– *Понимаю. Сорок или тридцать два?*

Она долго смотрела на меня. Глаз я не отвела. Потом Лада поставила чашу.

– *Сорок. Курьером. В доме чтоб ноги твоей не было.*

– *Курьером так курьером. Только у Тамары курьера нет. У неё вообще никого нет, кроме меня. Ваших дадите?*

– *Вика! Кто завтра свободен на развоз?*

– *Никто, Лада Ильинична,*– отозвалась Вика. – *У Гуриных юбилей, все до ночи на зале, я уже и график повесила.*

Лада выдохнула через нос. Я ждала.

– *Сама решу,*– сказала она наконец. – *Ладно. Привезёшь сама. Только сегодня, к пяти. Хочу видеть всё на столе до ужина, а не в коробках за час до гостей. И я буду рядом. Каждую минуту.*

– *К пяти,*– ответила я и быстро завернула тарелку обратно в газету, пока Лада не заметила, как у меня трясутся руки.

* * *

– *На треть?!*– Тамара хлопнула ладонью по прилавку, и кисти в банке звякнули. – *Ты с ума сошла? Я за глину ещё не рассчиталась, а ты мой фаянс за копейки раздаёшь! Мне что, по миру идти?*

– *Мою долю за этот заказ не платите. Всё вам.*

Тамара поперхнулась криком. Вынула из-за уха сигарету, сунула обратно.

– *С чего такая щедрость?*

– *Хочу, чтобы Лада осталась вашей заказчицей.*

– *Ой, не ври. Ты к ней в дом лезешь.*– Тамара прищурилась, потом махнула рукой. – *Да мне-то что. Хоть в печку к ней лезь, лишь бы платила.*

Колокольчик над дверью звякнул, когда я заклеивала скотчем вторую коробку. Степан пригнулся под притолокой, как в прошлый раз. Понедельник. Он же говорил, что зайдёт в понедельник.

– *Таблички готовы?*

– *На полке за печкой. Шесть штук.*

Он снял их с полки, провёл большим пальцем по буквам на одной и кивнул. Потом посмотрел на коробки.

– *Куда столько?*

– *Лада ужин даёт завтра. У «Глазури» сервиз сорвался, я перехватила.*

– *Сама повезёшь?*

– *Сама. Лада разрешила.*

Всё правда. Просто кусок правды, отрезанный так, чтобы остального было не видно.

Он смотрел на меня дольше, чем нужно, чтобы выслушать ответ. Тамара зашуршала за прилавком, будто считает чеки. Степан сунул таблички под мышку.

– *Спасибо за работу,*– сказал он и вышел.

Скотч заело, лента порвалась криво. Человек мне чай носил. А я ему про сервиз, как торговка с рынка.

* * *

Терраса на Виноградной вся заросла виноградом, над головой висели зелёные гроздья, ещё твёрдые. Лада толкнула дверь плечом, ключи даже не доставала.

– *Тут никто не запирает,*– бросила она через плечо. – *Андрей на причале, у него туристы до вечера. Ставь на кухне, потом скажу, как накрывать.*

Коробки я таскала одна. Лада стояла в дверях кухни, скрестив руки, и следила за моими пальцами: вдруг ложку в карман суну.

– *У него ведь от неё ничего не осталось,*– вдруг сказала она, ласково, как ребёнку. – *Ни одной фотографии. Дом сгорел, и всё сгорело. Её, кстати, тоже Мариной звали. Так что не обольщайся, ничего у тебя тут не выйдет.*

– *Чашки ставить вверх дном или так?*

– *Так ставь.*

Тарелки я расставляла на длинном столе в гостиной и смотрела по сторонам. Обычная съёмная комната: плетёное кресло, телевизор, полка с книжками про рыбалку. На подоконнике лежал складной нож с костяной ручкой.

Ручка была обмотана синей изолентой. Я сама её мотала, когда кость треснула, в гараже, под лампочкой, и Андрей ещё ворчал, что криво. Двадцать лет этот нож пролежал в ящике верстака.

На полке стояла катушка с тёмно-синим барабаном. Полгода я откладывала с заказов ему на юбилей. Он тогда обнял меня при гостях и сказал, что лучше подарка у него не было.

Катушку забрал. Нож забрал. А меня отправил в сгоревший дом, к фотографиям.

Тарелку я поставила так осторожно, что она даже не стукнула. Меня мутило, как от тухлой рыбы.

У Лады опять зазвонил телефон. Она закатила глаза и вышла на террасу.

– Я вам что говорила? Белые! Не кремовые, а белые! Вы цвета различаете вообще?

– Где у вас руки помыть?– спросила я ей в спину.

– По коридору направо,– махнула она, не оборачиваясь.

До ванной я не дошла. Вернулась к полке.

За книжками, на самом краю, стояла урна. Небольшая, с крышкой, под серой глазурью. Дешёвая, заводская. На боку вырезаны буквы, неровно, неумелой рукой: «Марина Ветрова. Помню. Люблю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.